

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Юрий Коваль

СУЕР-ВЫЕР

И МНОГО ЧЕГО ЕЩЁ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К 56

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

В оформлении обложки использована фотография
работы Виктора Ускова

В издании использованы рисунки автора

© Ю. Коваль (наследники), 2018

© А. Етоев, предисловие, 2018

© В. Усков, фото, 2018

© Оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2018

Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-14088-2

СУЕР-ВЫЕР

ПЕРГАМЕНТ

Посвящается Белле Ахмадулиной

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФОК

БУШПРИТ

Тёмный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ва-терлинии.

— Грот-фок на гитовы! — раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистые подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в своё одеяло.

ГЛАВЫ I–VI¹

ШТОРМ

Служил у нас на «Лавре Георгиевиче» вперёдсмотрящий. Ящиков.

А мы решили завести ещё и назадсмотрящего. Ну мало ли что бывает. Короче — надо. Завели, а фамилию ему давать не стали. Ну на кой, простите, пёс, назадсмотрящему-то фамилия?

А он говорит:

— Ну дайте же хоть какую-нибудь. Ну хоть бы Бунин.

Никакого, конечно, Бунина мы ему не дали.

А он назад оглянулся и как рявкнет:

— Идёт шторм!

— Шторм? — удивился наш капитан сэр Суер-Вьер. — Так ведь он умер.

— Кто умер?

¹ Падение культуры пристального чтения в конце XX века принудило автора не только к сдваиванию и к страиванию, но даже, как видим, и к сошестерению некоторых глав.

— Шторм умер. Апполинарий Брамсович.

— А это другой шторм идёт, — пояснил вперёдтеперьжесмотрящий Ящиков.

— И другой умер, — сказал Суер. — Через два года.

— Знаете что, капитан, — который Бунина просил, говорит, — свищите скорей всех наверх.

— Рак, — пояснил капитан то ли про первого, то ли про второго Шторма.

— А ну вас всех, прости меня господи, — сказал назадсмотрящий, — понаесли на «Лавра Георгиевича» и плывут незнамо куда, гады!

— У обоих, — продолжил Суер свою предыдущую мысль.

Перед бурей утихли волны. В тишине слышался скрип нашей ватерлинии и какие-то клетчатые звуки. Это мадам Френкель ещё плотнее закуталась в своё одеяло.

ГЛАВА VII ОСТРОВ ВАЛЕРЬЯН БОРИСЫЧЕЙ

— Со всеми этими штормами и сошестерениями, — сказал как-то наш капитан Суер-Вьер, — нам Острова Истины не открыть. Да вон, кстати, какой-то островок виднеется. Не Истины ли? Эй, Пахомыч! Суши вёсла и обрасопь там, что надо обрасопить!

— Надоело обрасопливать, сэр, — проворчал старпом. — Обрасопливаешь, обрасопливаешь... а толку?

— Давай, давай, обрасопливай без долгих разговоров.

Вскорости Пахомыч обрасопил всё, что надо, мы кинули якорь, сели в шлюпку и поплыли к острову, виднеющемуся невдалеке. Он был невелик, целиком уместился в подзорную трубу. На нём не было видно ни души. Песок, песок да ещё какие-то кочки, торчащие из песка.

Шлюпка уткнулась носом в берег, и тут же кочки зашевелились и каким-то образом нахлобучили на себя велюровые шляпы. Тут и стало ясно, что это не кочки, а человеческие головы в шляпах, которые торчат из пещерок.

Крупная, но фетровая шляпа заколебалась, и из пещерки вылез цельный человек. Сняв шляпу, он приветливо помахал ею и сказал:

— Добро пожаловать, дорогие Валерьян Борисычи!

Мы невольно переглянулись, только Суер поклонился и сказал:

— Здравствуйте, братья по разуму!

Шляпы в норках загнули:

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие Валерьян Борисычи!

А первый, в крупной фетровой, обнял Суера и расцеловал.

— Ну, как вы добрались до нас? — спрашивал он. — Легко ли? Тяжело? Все ли Валерьян Борисычи здоровы?

— Слава богу, здоровы, — кланялся Суер.

Меня всегда поражала догадливость капитана и его житейская мудрость. Но какого чёрта? Какие мы Валерьян Борисычи? Никакие мы не Валерьян Борисычи! Но спорить с туземцами не хотелось, и я подумал: если капитан прикажет, мы все до единого дружно станем Валерьян Борисычами.

Между тем шляпа номер один продолжала махать когтистой лапой и весело лопотала:

— Мы так радуемся, когда на остров прибывает очередная партия Валерьян Борисычей, что просто не знаем, как выразить своё счастье!

— И мы тоже счастье выражаем, — сказал Суер и, обернувшись к нам, предложил: — Давайте, ребята, выразим своё счастье громкими кличами.

Мы не стали спорить с капитаном и издали несколько кличей, впрочем вполне приличных. Кроме Пахомыча, который орал:

— Борисычи! А где же магарыч?

— Я надеюсь, — сказала шляпа номер один, — среди вас все истинные Валерьян Борисычи? Нет ни одного, скажем, Андриан или Мартемьян Борисыча? Не так ли?

— Ручаюсь, — сказал капитан, придирчиво осматривая нас. — Верно, хлопцы?

— Да, да, это так, — поддержали мы капитана. — Мы все неподдельные Валерьян Борисычи.

— Но мы маленькие Валерьян Борисычи, — влез в разговор лоцман Кацман, — небольшие Валерьян Борисычи, скромные.

Капитан недовольно поморщился. Лоцману следовало бы помолчать. Он сроду не бывал никаким Валерьян Борисычем, а, как раз напротив, по паспорту читался Борис Валерьяныч.

— Мы-то маленькие, — продолжал болтливый лоцман. — А вот он, — и лоцман указал на Суера, — он величайший из Валерьян Борисычей мира.

Суер поклонился, и мы ударили в ладонь.

Самое, конечно, глупое, самое тупое заключалось в том, что я и вправду почувствовал себя Валерьян Борисычем и раскланивался на все стороны, как истинный Валерьян Борисыч.

— Дорогой Валерьян Борисыч, — сказал Суер, обращаясь к главной шляпе. — Позвольте и мне задать вопрос. Скажите, а вот эти люди, которые сидят в норках, все ли они истинные Валерьян Борисычи?

— Валерьян Борисыч, дорогой, — отвечала шляпа, — мы понимаем вашу бдительность и ответим на неё дружно, по-валерьян-борисычески. Эй, взбы, отвечайте!

Тут все Валерьян Борисычи зашевелились в норках и хотели было вылезать, но Главношляпый крикнул:

— Сидеть на месте! Кто выскочит — пуля в лоб! Начинайте.

И один носатый из ближайшей норы неожиданно и гнусаво запел:

О, Океан!
О, тысячи
На небе дивных звёзд!
Все Валерьян Борисычи
Имеют длинный хвост.

А хор из норок подхватил:

Имеют хвост, но он не прост,
Меж небом и землёй он мост.

Гнусавое запевало выползло тем временем на второй куплет:

В душе изъян был высечен
На долгую науку.
Вам Валерьян Борисычи
Протягивают руку.

И хор подхватил:

Берите нашу руку,
А то дадим по уху!

И они высунули из норок когтистые лапки. Все невольно отшатнулись, и даже Суер заметно побледнел. Он быстро оглядел нас и впёр свои брови в меня.

— Валерьян Борисыч, — сказал он, похлопывая меня по плечу, — возьми руку друга из норы.

— Кэп, меня тошнит.

Валерьян Борисычи в норках зашептались, заприметив наши пререканья.

— Иди, скотина Валерьян Борисыч, — толкнул меня в спину Пахомыч. — Иди, а то меня пошлют.

ГЛАВА VIII СУТЬ ПЕСКА

В этот момент меня покинуло чувство, что я немного Валерьян Борисыч, но — подчинился капитану. Я уважал Суера, вам, впрочем, этого не понять.

Любезно гримасничая, как это сделал бы на моём месте истинный Валерьян Борисыч, я тронулся с места и пошёл некоторым челночным зигзагом.

— Он очень стеснительный, — пояснял Кацман, — но истинный, хотя и мелковатый Валерьян Борисыч¹.

Подойдя к ближайшей кочке-шляпе, я схватил за руку какого-то Валерьян Борисыча и принялся тресть.

— Здорово, старый хрен Валера! — заорал я. — Ну как ты тут? Всё в норке сидишь? А мы тут плавали-плавали и на вас нарвались! Да ты сам-то хоть откуда? Я-то из Измайлова!

Схваченный мною Валерьян Борисыч тихо поскуливал.

— Ты с какого года? — орал я.

— С тридцать седьмого, — отвечал задёрганный мною Валерьян Борисыч.

— А я с тридцать восьмого! Ты всего на год и старше, а вон уже какой бугай вымахал!

Валерьян Борисыч призадумался и наморщил лобик.

— Ты знаешь чего, — сказал он, — копай норку рядом со мной, мы ведь почти ровесники. К тому же я из Сокольников.

— Да! Да! Да! — закричал Главный Шляпоголовый. — Копайте все себе норки! Здесь очень хороший песочек, легко копается. И мы все будем дружно сидеть в норках.

И тут я подумал, что это неплохая идея, и мне давным-давно пора выкопать себе норку в тёплом песке, и хватит вообще шляться по белу свету.

«Заведу себе велюровую шляпу, — думал я. — Стану истинным Валерьян Борисычем, а там разберёмся». И я опустил на колени и стал двумя руками загребать песочек, выкапывая норку. Песок струился с моих ладоней, и суть его, копая, я пытался постичь.

«В чём же суть этого песка? — напряжённо думал я. — Эту вечную загадку я и стану разгадывать, сидя в норке».

¹ Кстати, открытие острова Валерьян Борисычей мы посвятили славному русскому энтомологу и источниковеду Овчинникову Ивану.

Струился, струился песок с моих ладоней, тянул к себе и засасывал.

Вдруг кто-то сильно дернул меня за шиворот и выволок из норы.

— Ты что делаешь? — сказал Суер, щипая меня повыше локтя. — Опомнись!

— Норку копаю. А вы разве не будете, кэп?

— Будем, но позднее.

— Позвольте, позвольте, — встрял Главный Шляподержатель, — откладывать копание не полагается. Копайте сразу.

Тут я заметил, что Валерьян Борисычи в норках надулись и смотрели на нас очень обиженно.

— Копайте норки, а то поздно будет, — приговаривали некоторые.

— Нам нужно вначале осмотреть достопримечательности, — отвечал Суер-Вьер. — А уж потом будем копать.

— Какие ещё достопримечательности? Здесь только песок да Валерьян Борисычи.

— А где же музей восточных культур? — спросил Суер.

— Мы его разграбили, — мрачно ответил Главный Валерьян Борисыч. — А вы, я вижу, не хотите норок копать. Бей их, ребята! Это поддельные Валерьян Борисычи! Их подослали Григорий Петровичи!

— Вот ведь хреновина, — устало сказал Суер. — Только приплываем на какой-нибудь остров — нас сразу начинают бить.

Головной Валерьян Борисыч снял вдруг шляпу и метнул её в капитана. Шляпа летела, вертась и свища.

Капитан присел, и шляпа попала в лоцмана. Кацман рухнул, а шляпа, как бумеранг, вернулась к владельцу.

Все прочие Валерьян Борисычи засвистели по-узбекски и стали принакручивать шляпами. Через миг несметное количество шляп загудело над нашими головами.

Волоча за собой, как чайку, подбитого лоцмана, мы отступили к шлюпке. Над нами завывали смертоносные шляпы.

Пахомыч изловчился, поймал одну за тулью, зажал её между коленей, но шляпа вырвалась, схватила корзину с финиками, которая стояла на корме, и понеслась обратно на остров.

Эти финики спасли нам жизнь. Валерьян Борисычи, как только увидели финики, выскочили из норок. Они катались по песку, стараясь ухватить побольше фиников.

— А мне Валерьян Борисычи даже чем-то понравились, — смеялся Суер-Вьер, выводя нашу шлюпку на правильный траверз. — Наивные, как дети: хотели нас шляпами закидать.

Тут в воздухе появилась новая огромная шляпа. Она летела книзу дном, тяжело и медленно.

Долетев до нас, шляпа перевернулась, вылила на капитана ведро помоев и скрылась в тумане.

ГЛАВЫ IX-X РАЗВЛЕЧЕНИЕ БОЦМАНА

На следующий за Валерьян Борисычами остров для забавы мы взяли с собой боцмана Чугайло. Он уже несколько месяцев не сходил с борта и совершенно озверевал.

— Хочу развлечений! — ревел он иногда в своей каюте.

Правда, ещё издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Прямо посредине его стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

— Это ничего, — говорил Суер, — походит вокруг дерева — глядишь, и развлечётся.

Ну, мы сошли на берег и открыли остров. А потом сели на камушек, а боцмана пустили ходить вокруг сухого дерева. И он начал ходить, а мы смотрели, как он ходит, и перемигивались.

— Неплохо ходит, холера!

— Медленно как-то. Вяло.

— Господин Чугайло! — кричал Пахомыч. — Да вы побыстрее ходите, а то не развлечётесь.

— Сам знаю, как хожу! — ревел боцман. — Развлекаюсь как умею.

— Чепуха, — сказал лоцман Кацман, — так он не развлечётся никогда в жизни. Давайте потихоньку сядем в шлюпку и уплывём, вот тут он и развлечётся.

И мы сели в шлюпку и отплыли на три кабельтова.

Боцман Чугайло вначале не заметил нашего манёвра и ходил, тупо глядя в землю, а когда заметил — забегал вокруг дерева, то и дело падая на колени.

— Вы куда? — орал он. — Вы куда?

Ничего не мог он придумать, кроме этой моржовой фразы. Ясно куда: на «Лавра».

— Не покидайте меня, братцы, — орал Чугайло в пространство, а мы посмеивались и делали вид, что навеки уплываем.

— А что? — сказал Суер. — Может, и вправду оставить его на острове? Надоел ужасно. Ходит всюду, плюётся и сморкается. Всего «Лавра Георгиевича» заплевал.

— Давайте оставим, — сказал Пахомыч.

Думали мы, думали и решили оставить боцмана на острове. Хрен с ним, пускай развлекается.

ГЛАВЫ XI–XII САМСОН-СЕНОГНОЙ

Лоцман Кацман разрыдался однажды у мачты, на которой к празднику мы развесили кренделя.

— Жалко Чугайлу, — всхлипывал он. — Давайте вернёмся, капитан. Заберём его на «Лавра».

А, наверно, уж с полгода прошло, как мы оставили боцмана на острове.

— Ладно, — сказал наш простосердечный капитан, — вот откушаем праздничного суфле и назад поплывём.

Ну, откушали мы суфле, поплыли назад.

Смотрим — Чугайло жив-здоров, бегают по острову вокруг сухого дерева.

— Неужто ещё не развлёкся? — удивился Суер.

А боцман, как увидел нашу шлюпку, стал камнями кидаться. Во многих он тогда попал.

Высадились мы на остров, связали боцмана, сели под дерево и рассуждаем: что же дальше делать? Забросает же камнями, ватрушка!

Сидим эдак, вдруг слышим, Кацман кричит:

— Почки!

Лоцман кричит:

— Почки!

И пузырьки какие-то лопаются!

Батюшки-барашки! На ветвях-то сухого дерева появились настоящие растительные почки! И лопаются, а из них листочки выскакивают. Растительные!

— Боцман! — Суер кричит. — Откуда почки?

— Не знаю, — мычит боцман, мы-то ему в рот кляп засунули, чтоб не плевался. — Не знаю, — мычит.

Вынули мы кляп, а боцман всё равно ничего не знает. Засунули обратно, и капитан спрашивает:

— Живёте на острове, а про почки не знаете. Как же так?

— Они раньше не лопались, — через кляп мычит.

— Развиваются! — закричал Кацман, и мы увидели, что листочки позеленели, а из-под них цветы расцвели.

Бросили мы боцмана, кинулись цветы нюхать. Только нанюхались — цветы все опали.

— Что же теперь делать? — спрашиваем капитана. — Опали наши цветочки!

— Ждать появления плодов, — размыслил Суер.

И плоды не заставили себя ждать. Вначале-то появились такие маленькие, зелёные, похожие на собачью мордочку, а потом стали наливаясь, наливаясь. Лоцман цоп с ветки плодочек — и жрёт!

Капитан хлопнул его по рукам:

— Незрелое!

— Я люблю незрелое! Люблю! — плакал лоцман и жадно, как лягушонок, хватал плодочки.

Связали мы лоцмана и стали ждать, когда плоды созреют. И вот они созрели прямо на глазах.

— Неужели груши? — восхищался Пахомыч.

— Ранет бергамотный?! — мычал через кляп боцман.

Накидали мы целую шлопку груш, развязали боцмана с лоцманом и отбыли на «Лавра».

Потом-то, уже на борту, мы долго размышляли, с чего это сухая груша столько вдруг всего наплодоносила.

— Она расцвела от наших благородных поступков, — сказал Кацман.

— Каких же это таких?

— Ну вот мы бросили боцмана на острове. Какой это был поступок: благородный или не благородный?

— Благородный, — сказал Пахомыч. — Он нам всего «Лавра Георгиевича» заплёвал.

Сэр Суер-Вьер засмеялся и выдал старпому особо спелую и гордую грушу.

— Ну нет, — сказал он, — благородный поступок был, когда мы за ним приехали. И груше это явно понравилось.

— Ерунда, кэп, — сказал боцман, вынимая изо рта очередной кляп свой. — Пока я бегал по острову, я ей все корни обтоптал.

Разгорячённый грушами, лоцман запел и заплясал, и боцман, раскидывая кляпы, затопал каблуком. Мы обнялись и долго танцевали у двери мадам Френкель:

Мадам! Спасите наши души
От поедания плодов!
А то мы будем кушать груши
До наступленья холодов!

Эх, и хороший же тогда у нас получился праздник! Ну прямо Самсон-Сеногной!

ГЛАВА XIII СЛАВНАЯ КОНЧИНА

Я совсем забыл сказать, что с нами тогда на борту был адмиралиссимус. Звали его Онисим.

И многим не нравилось поведение адмиралиссимуса. Герой Босфора, мученик Дарданелл, он совсем уже выжил из ума, бесконечно онанировал и выкрикивал порой бессвязные команды вроде:

— Тришка! Поддай сюда графин какао, сукин кот!

В другой раз он беспокойно хлопал себя по лысинке, спрашивая:

— Где мой какаду? Где мой какаду?

Чаще же всего он сидел на полубаке и шептал в пространство:

— Как дам по уху — тогда узнаешь!

Матросы не обижали старика, а Суер по-отечески его жалел.

Один раз Суер велел боцману переодеться Тришкой и подать Онисиму графин какао. Какао, как и Тришка, было поддельным — жёлуди да жжёный овёс, кокосовый жмых, дуст, немного мышьяка, — но адмирал выпил весь графин.

— Где моё какаду? — распаренно расспрашивал он.

Суер-Вьер велел нам тогда поймать на каком-нибудь острове какаду. Ну, мы поймали, понесли мученику и герою.

— Вот ваше какаду, экселенс! — орала мы, подсовывая попугая старому морепроходцу.

Адмиралиссимус восхитился, хлопал какаду по плечам и кричал:

— Как дам по уху — тогда узнаешь!

Стали мы подкладывать лоцмана Кацмана, чтоб адмиралиссимус ему по уху дал. Но лоцман отнекивался, некогда ему, он фарватер смотрит. А какой там был фарватер — смех один: буи да створы.

Навалились мы на лоцмана, повели до адмиралиссимуса.

Старик Онисим размахнулся да так маханул, что сам за борт и вылетел.

— Вот кончина, достойная адмиралиссимуса, — сказал наш капитан Суер-Выер. Потом уже, на специально открытом острове, мы поставили памятный камень с подобающей к случаю эпитафией:

Адмиралиссимус Онисим,
Был справедлив, но — онанисим.

ГЛАВА XIV ХРЕНОВ И СЕМЁНОВ

Издали мы заметили клубы и клоки великого дыма, которые подымались над океаном.

— Это горит танкер «Кентукки», сэр, — докладывал капитану механик Семёнов. — Надо держаться в стороне.

Но никакого танкера, к сожалению, не горело. Дым валил с острова, застроенного бревенчатыми избушками, крытыми рубероидом. Из дверей избушек и валил дым.

— Что за неведомые сооружения? — раздумывал Суер, оглядывая остров в грубый лакированный монокуляр.

— Думается, рыбы копильни, сэр, — предположил мичман Хренов.

— Дунем в грот, — сказал капитан. — Приблизимся на расстояние пушечного выстрела.

Пока мы дули, дым почему-то иссяк. Что-то, очевидно, догорело.

— Высаживаться на остров будем небольшими группами, — решил капитан. — Запустим для начала мичмана и механика. Хренов! Семёнов! В ялик!

Пока Хренов и Семёнов искали резиновые сапоги, из неведомых сооружений выскочили два десятка голых мужчин. Они кинулись в океан с криком:

— Легчает! Легчает!

Наши Семёнов с Хреновым отчего-то перепугались, стали отнекиваться от схода на берег и всё время искали сапоги. Кое-как, прямо в носках, мы бросили их в ялик, и течение подтащило судёнышко к голозадым туземцам. Те, на ялик внимания не обращая, снова вбежали вовнутрь неведомых сооружений.

Спрятав лодку в прибрежных кустах, мичман и механик стали подкрадываться к ближайшему неведомому бревенчатому сооружению. В подзорную трубу мы видели, как трусливы и нерешительны они.

Наконец, прячась друг за друга, они вползли в сооружение.

Как ни странно — ничего особенного не произошло. Только из другого неведомого сооружения вышел голый человек, поглядел на наш корабль, плюнул и вошёл обратно.

ГЛАВА XV ПОРА НА ВОБЛУ!

Этот плевок огорчил капитана.

— Бескультурие, — говорил он, — вот главный бич открываемых нами островов. Дерутся, плюются, голыми бегают. У нас на «Лавре» это всё-таки редкость. Когда же наконец мы откроем остров подлинного благородства и высокой культуры?

Между тем дверь ближайшей избушки распахнулась, и на свет явились голый мичман Хренов и обнажённый Семёнов. Они кинулись в океан с криком:

— Легчает! Легчает!

Группами и поодиночке из других сооружений выскочили и другие голые люди. Они скакали в волнах, кричали, и скоро невозможно было разобрать, где среди них Хренов, а где Семёнов.

— Не вижу наших эмиссаров, — волновался капитан. — Старпом, спускайте шлюпку.

Спустили шлюпку, в которую и погрузились старые, опытные открыватели новых островов: ну, лоцман, Пахомыч и мы с капитаном.

Голые джентльмены, гогоча, ухватились за наши вёсла.

— Раздевайтесь скорее! — кричали они.

Слабовольный Кацман скинул бушлат.

— Хренов-Семёнов! Хренов-Семёнов! — беспокойно взывал капитан.

К нашему изумлению, среди голых джентльменов оказалось несколько Семёновых и два, что ль, или три Хренова. Они подплывали на вечный зов капитана и глядели в шлюпку красными тюленьими глазами.

Какой-то липовый Хренов выставил из-под волны нос и закричал:

— Неужто это Суер? А я думал, тебя давно сожрали туземцы!

— Уйди в океан! — ревел старпом и отпихивал веслом неправильного Хренова.

— Так я же Хренов! — взвизгивал ложный Хренов. — Вначале зовут, а потом отпихивают.

— Тоже мне Хренов дерьмовый! — сердился старпом. — У нас уж Хренов так Хренов.

К сожалению, наш Хренов, который наконец появился, такого уж слишком мощного явления не представлял. Довольно скромный и художочный Хренов, которого только в форме можно было принять за мичмана.

За Хреновым явился и Семёнов.

— Высаживайтесь, кэп, — красноносо хрюкал он, — не пожалеете. Здорово легчает!

— А нам пора на воблу, — объяснял Хренов.

— Пора на воблу! Пора на воблу! — подхватил и Семёнов, и, взмахивая лихими саженками, они дунули к берегу брассом.

Задумчиво мы глядели им вслед, и за нашей спиной грудью вздыхал океан.

ГЛАВА XVI ОСТРОВ НЕПОДДЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

Могучий клич «Пора на воблу!» поддержали и другие голые люди этого острова.

— И на пиво! — добавляли некоторые другие раздетые.

Хренов и Семёнов, сверкающие задницами на берегу, чрезвычайно обрадовались, услышавши такое добавление.

— Пора на воблу и на пиво! — восторгались они.

— Кажется, они продали нас, — сказал Пахомыч. — За воблу.

— И за пиво, — добавил Кацман.

Мы подплыли ближе и увидели, что все голые люди, а с ними и наши орлы подоставали откуда-то кружки с пивом.

Какой-то Хренов, кажется не наш, выскочил на берег, обвешанный гирляндами воблы. Эти гирлянды болтались на нём, как ожерелья на туземных таитянках. Он раздавал всем по вобле на брата, а остальные приплясывали вокруг него и кричали:

— Вобла оттягивает!

Наши Хренов с Семёновым, отплясав своё, костями воблы уже кидались в океан и носом сдували пену из пивных кружек.

— Оттягивает! Оттягивает! — ворковали они.

— Неужели это так? — говорил Суер. — Неужели стоит только раздеться — и тебе выдают пиво и воблу? Ни в одной стране мира я не встречал такого обычая. Иногда я задумываюсь: а не пора ли и мне на воблу?

— И на пиво, сэр, — пискнул Кацман.

Мы оглянулись и увидели, что лоцман сидит в шлюпке абсолютно голый. Он дрогнул под взглядом капитана, и синяя русалка, выколота на его груди, нырнула под мышку.

— Ладно, раздевайтесь, хлопцы, — сказал капитан. — Мы ещё не едали воблы на отдалённых берегах.

И он снял свой капитанский френч.

Мы с Пахомычем не стали жеманиться, скинули жилеты и обнажили свои татуировки.

Шлюпка пристала к берегу. Тут же к нам подскочили Хренов и Семёнов и выдали каждому по кружке пива и по хорошей вобле. Славно проявленная, она пахла солью и свободой.

— Пиво в тень! — приказал капитан. — Вначале войдём в неведомое сооружение. Всё по порядку.

Мы прикрыли свои кружки воблой и поставили в тенёк, а рачительный Пахомыч накрыл всё это дело лопушком.

На ближайшем неведомом сооружении висела вывеска:

ВОРОНЦОВСКИЕ БАНИ

— Что за оказия? — удивился Суер. — Воронцовские бани в Москве, как раз у Ново-Спасского монастыря.

— И здесь тоже, сэр! — вскричал Хренов.

— Здесь и Семёновские есть! — добавил Семёнов. — А в Москве Семёновские ликвидировали!

Тут из Воронцовских бань выскочил сизорожий господин и крикнул:

— Скорее! Скорее! Я только что кинул!

И мы ворвались в предбанник, а оттуда прямо в парилку.

Чудовищный жар охватил наши татуировки.

С лоцмана ринул такой поток пота, что я невольно вспомнил о течении Ксиво-пиво. Удивительно было, что наш слабовольный лоцман сумел произвести такое мощное явление природы.

— Что же это? — шептал он. — Неужто это остров неподдельного счастья?

Да, это было так. Счастье полное, чистое, никакой подделки. Жители острова парились и мылись с утра и до вечера. Мыло и веники берёзовые им выдавались бесплатно, а за пиво и воблу они должны были только радостно скакать.

Весь день мы парились и мылись, скакали за пиво и прятали его под лопушки, и доставали, доставали, поверьте, из лопушков, и обгладывали воблю головку, и прыгали в океан. Пахомыч до того напарился, что смыл почти все свои татуировки, кроме, конечно, надписи «Помни заветы матери». А надпись «Нет в жизни счастья» он смыл бесповоротно. Счастье было! Вот оно было! Прямо перед нами!

В тот день мы побывали в Тетеринских, Можайских, Богородских, Донских, Дангауэровских, Хлебниковских, Оружейных, Кадашевских банях и, конечно, в Сандунах. Оказалось, что на острове имеются все московские бани¹.

— Откуда такое богатство? — удивлялся Суер.

— Эмигранты повывезли, — ответствовали островитяне.

К вечеру на берегу запылали костры, и, раскачиваясь в лад, островитяне запели песню, необходимую для их организма:

В нашей жизни и тёмной и странной
Всё ж имеется светлая грань.
Это с веником в день постоянный
Посещение общественных бань.

Что вода для простого народа?
Это просто простая вода.
Братства банного дух и свобода
Нас всегда привлекали сюда.

В Тетеринские,
Воронцовские,
Донские,
Ямские,
Машковские,
Измайловские,
Селезнёвские,
Центральные
И Сандуны.

А Семёновские ликвидировали,
А Мироновские модернизировали,
Краснопресненские передислоцировали,
Доброслободские закрыли на ремонт.

Было много тяжёлого, было,
Но и было всегда у меня:
Дуб, берёза, мочало и мыло,
Пиво, вобла, массаж, простыня.

Тело — голое! Сердце — открытое!
Грудь — горячая! Хочется жить!
В наших банях Россия немытая
Омовенье спешит совершить!

Они пели и плакали, вспоминая далёкую Россию.

— Мы-то отмылись, — всхлипывали некоторые, — а Россия...

¹ Этот остров посвящается моему великому другу Владимиру Лемпорту.

Я и сам напелся и наплакался и задремал на плече капитана. Задрёмывая, я думал, что на этом острове можно бы остаться на всю жизнь.

— Бежим! — шепнул мне вдруг капитан. — Бежим, иначе нам не открыть больше ни одного острова. Мы здесь погибнем. Лучше ходить немывтым, чем прокиснуть в глубоком наслаждении.

И мы растолкали наших спящих сопарильщиков, кое-как приодели их, затолкали в шлюпку и покинули остров неподдельного счастья, о чём впоследствии множество раз сожалели.

ГЛАВА XVII МУДРОСТЬ КАПИТАНА

Только уже ночью, подплывая к «Лавру», мы обнаружили, что, кроме мичмана, прихватили с собой случайно ещё одного Хренова. Ложного.

Это Пахомыч расстарался в темноте.

— Не понимаю, старпом, — досадовал Суер, — на кой хрен нам на «Лавре» два Хренова? Я и одним сыт по горло.

— Не знаю, кэп, — оправдывался Пахомыч. — Орут все: «Хренов, Хренов», — ну я и перепутал, прихватил лишнего.

— А лишнего Семёнова вы не прихватили?

— Надо пересчитаться, — растерянно отвечал старпом.

Стали считать Семёновых, которых, слава богу, оказалось один.

— А вдруг это не наш Семёнов? — тревожился капитан. — Потрясите его.

Мы потрясли подозреваемого. Он мычал и хватался за какие-то пассатижи.

— Наш, — успокоился капитан.

— Что же делать с лишним Хреновым, сэр? — спрашивал старпом. — Прикажете выбросить?

— Очень уж негуманно, — морщился Суер, — здесь полно акул. К тому же неизвестно, какой Хренов лучше: наш или ложный.

Оба Хренова сидели на банке, тесно прижавшись друг к другу.

Они посинели и дрожали, а наш посинел особенно.

Мне стало жалко Хреновых, и я сказал:

— Оставим обоих, кэп. Вон они какие синенькие.

— Ну нет, — ответил Суер, — «Лавр Георгиевич» этого не потерпит.

— Тогда возьмём того, что посинел сильнее.

Наш Хренов приободрился, а ложный напрягся и вдруг посинел сильнее нашего. Тут и наш Хренов стал синеть изо всех сил, но ложного не пересинел.

Это неожиданно понравилось капитану.

— Зачем нам такой синий Хренов? — рассуждал он. — Нам хватит и нашего, слабосинего.

— Капитан! — взмолился ложный Хренов. — Пожалейте меня! Возьмите на борт. Хотите, я покраснею?

— А позеленеть можете?

— Могу что угодно: краснеть, синеть, зеленеть, желтеть, белеть, сереть и чернеть.

— Ну тогда ты, парень, не пропадёшь, — сказал капитан и одним махом выкинул за борт неправильного Хренова.

И ложный Хренов действительно не пропал. Как только к нему приближались акулы, он то синел морскою волной, то зеленел, будто островок водорослей, то краснел, как тряпочка, выброшенная за борт.

ГЛАВА XVIII СТАРЫЕ МАТРОСЫ

В эту ночь мы не ложились в дрейф.

Хотели было лечь, но Суер не велел.

— Нечего вам, — говорил он, — попусту в дрейф ложиться. А то привыкли: как ночь, так в дрейф, как ночь, так в дрейф.

Ну, мы и не легли. Раздули паруса и пошли к ближайшему острову.

Старые матросы болтали, что это остров печального пилигрима.

— Никак не пойму, открыт этот остров или ещё не открыт, — досадовал Суер. — На карте его нет, а старые матросы знают. Но отчего этот пилигрим печалится?

— Вот это, сэр, совсем неудобно, — стеснялся Пахомыч. — Старые матросы болтают, будто бабу ждёт, подругу судьбы.

Старые матросы топтались на юте, били друг друга в грудь:

— Бабу бы...

— Вообще-то, у нас есть мадам Френкель, — сказал Суер-Вьер. — Чем не баба? Но она непредсказуема.

В этот момент мадам снова закуталась в своё одеяло. Да так порывисто, что у «Лавра Георгиевича» стены задрожали.

— Грогу бы... — забубнили старые матросы.

— Старпом, — сказал Суер, — прикажите старым матросам, чтоб прояснились. То им грогу, то им бабу.

— Извините, сэр, бабу — пилигриму, а им только грогу.

— Ну ладно, дайте им грогу.

Пахомыч пошёл за грогом, но наш стюард Мак-Кингсли вместо грогу выдал брагу.

— Грог, — говорит, — я сам выпил. Мне как стюарду положено, квинту в сутки.

— Пинту тебе в пятки! — ругался Пахомыч.

Дали старым матросам браги.

Обрадовались старые матросы. Плачут и смеются, как малые ребята.

— Старая гвардия, — орут, — Суера не подведёт!

А Суер-Вьер машет им с капитанского мостика фуражкой с крабом. Добрый он был и справедливый капитан.

ГЛАВА XIX ОСТРОВ ПЕЧАЛЬНОГО ПИЛИГРИМА

Ботва — вот что мы увидели на острове печального пилигрима. Огуречная ботва. И хижина.

Из хижины, покрытой шифером, и вышел пилигрим.

Описывать его я особенно не собираюсь. Он был в коверкотовом пиджаке, плисовых шароварах, в яловых сапогах, в рубашке фирмы «Глобтроттер». Лицом же походил на господина Гагенбекова, если сбрить полбаки и вставить хотя бы стеклянный левый глаз. У пилигрима такой глаз был. Хорошего швейцарского стекла. С карею каёмкой.

Пилигрим поклонился капитану и произнёс спич:

Какой же это дирижабль
Привёз мою печаль?
О, мой неведомый корабль!
Причаль ко мне, причаль!

Наш капитан поклонился и приготовил экспромт:

Я видел, как растут дубы,
Играл на флейте фугу.
И я привёз тебе судьбы
Нетленную подругу.

— Не может быть, — сказал пилигрим, протирая карюю каёмку.

— Привёз, привёз, — подтвердил старпом. — Она пока в каюте заперта, чтоб не попортилась. А то нам говорили, что вы без подруги печалитесь.

— Я? — удивился пилигрим. — Печалюсь? Что за чушь? Но, конечно, не откажусь, если толк будет.

— Это нам не известно, — сказал Суер. — Привезти-то привезли, а насчёт толку ничего не знаем. Она в каюте заперта.

— Крепко, что ли?

— Не знаю, — смутился капитан, — я не пробовал. Но у меня тоже есть вопрос: почему вас пилигримом называют?

— Кого? Меня? Кто? Первый раз слышу.

— Послушайте, кэп, — кашлянул Пахомыч. — Кажись, ошибка. Это не пилигрим, а долбоёб какой-то. Поехали на «Лавра» — надоел, спасу нет.

— Ничего не пойму, — сказал Суер уже на борту. — Какой мы остров открыли? Печального пилигрима или какой другой?

— Я предлагаю назвать этот остров, — сказал Пахомыч и произнёс такое название, которое лежало на поверхности.

Я тут же предложил другое, но и оно, как оказалось, тоже лежало на поверхности.

Тут и матрос Вампиров предложил новое название, которое не то что лежало — оно стояло на поверхности!

Ну что тут было делать? Так и остался остров под названием «Остров печального пилигрима», хотя не было на нём ни пилигрима, ни печали, а только огуречная ботва.

ГЛАВА XX СУЩНОСТЬ «ЛАВРА»

Под вечер и по якорной цепи на «Лавра» вскарабкался всё-таки этот Псевдопилигрим. В руках он держал предмет, название которого многие из нас позабыли, потому что давно не бывали на осмысленных берегах.

— Что это? — спросил Пахомыч.

— Гвоздождёр, — ответил Псевдопилигрим и направился прямо к каюте мадам Френкель. Приладив свой инструмент ко гвоздю, он дёрнул и выругался: — Стодвадцатипятка!

Под натиском гвоздождёра гвозди гнило завывали. Они выползали, извиваясь, как ржавые червяки.

Многие матросы побросали вахты и забрались на мачты, чтоб лучше всё видеть.

— Гвозди, — говорил между тем Суер-Вьер. — Что такое гвозди? Это предметы, скрепляющие разные сущности. Сущность берёзы гвоздь способен скрепить со смыслом кипариса. Невыносимо! Отвратительно это: скреплять разные сущности таким ржавым железным и ударным образом.

— Послушайте, кэп, — вмешался Пахомыч, — пора подавать команду.

— Какую команду, друг мой?

— Как это какую? Пилигрима бить.

— Полноте, старпом. За что нам его бить? Лично я доволен тем, что он открыл для меня сущность гвоздей. А о мадам Френкель вы не беспокойтесь.

— При чём здесь мадам Френкель, капитан? Он своим гвоздодёром нам всего «Лавра Георгиевича» раскурочит.

— Эх, Пахомыч, Пахомыч, дорогой мой человек. Сущность «Лавра Георгиевича» держится отнюдь не на гвоздях. Поверь, совсем на другом она держится. Пусть вынут из него все гвозди, а «Лавр Георгиевич» станет ещё прочней. И всё так же будет летать по меридианам.

— Я прямо не понимаю, что это с вами сегодня, сэр! — сказал Пахомыч. — Мне плевать на сущность гвоздей, но если в «Лавре» были гвозди, я никому не позволю их выдирать. Наш «Лавр» будет плавать со своими гвоздями.

— Эх, Пахомыч, Пахомыч, — вздохнул Суер, — дорогой мой человек! Ну что с тобой поделаешь? Ладно, иди бей Псевдопилигрима, но прежде прикажи стюарду Мак-Кингсли принести мне в каюту ароматических микстур.

Псевдо же пилигрим к этому моменту выдрал все гвозди. Он стоял перед каютой на коленях, шептал и что-то плакал:

Я предан прожитым годам,
Когда мы были вместе.
Вернёмся искренне, мадам,
В сожжённые поместья.

Тут из каюты высунулась рука, обнажённая до плеч. Она выхватила гвоздодёр и швырнула в небо. Гвоздодёр взлетел ко грот-марсарее, сшиб зазевавшегося альбатроса и зацепил матроса Вампирова. Матрос рухнул и вместе с гвоздодёром и альбатросом завис на такелаже. Рука же белая за манишку втащила Псевдопилигрима в каюту. И только мы подумали, что соискатель испытывает сейчас верха блаженства миг, как раздался клич:

— Пилигрим за бортом!

— Она вытиснула меня в иллюминатор, — пояснял Псевдопилигрим, дружески захлебываясь в пене океана.

И тут на него налетели чайки. Первая схватила его шляпу, нахлобучила себе на бигуди и улетела. Вторая чайка напаялила коверко-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Етоев. Писатель чрезвычайной необходимости</i>	5
<i>СУЕР-ВЫЕР. Пергамент</i>	27
<i>САМАЯ ЛЁГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ. Повесть</i>	233
<i>ОТ КРАСНЫХ ВОРОТ. Повесть</i>	379
<i>ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИ КУРОЛЕСОВА. Повесть</i>	405
<i>ПРОМАХ ГРАЖДАНИНА ЛОШАКОВА. Повесть</i>	461
<i>ПЯТЬ ПОХИЩЕННЫХ МОНАХОВ. Повесть</i>	517
<i>НЕДОПЁСОК. Повесть</i>	611
<i>ШАМАЙКА. Повесть</i>	703
РАССКАЗЫ	
Алый	
Алый	751
Елец	763
Козырёк	766
Особое задание	770
Белая лошадь	779
Чистый Дор	
По лесной дороге	782
Чистый Дор	783
Стожок	785
Весенний вечер	786
Фиолетовая птица	787
Под соснами	788
Около войны	790
Берёзовый пирожок	793
Лесовик	794
Железяка	797

СОДЕРЖАНИЕ

Вишня	798
Колобок	799
Картофельный смысл	800
Кепка с карасями	802
Нюрка	806
Бунькины рога	808
Выстрел	810
Вода с закрытыми глазами	814
Клеёнка	816
По-чёрному	821
Подснежники	823
Последний лист	825

Листобой

Капитан Клюквин	827
Серая ночь	833
Лабаз	836
Лесник Булыга	841
Белозубка	845
Нулевой класс	850
У кривой сосны	853
Картофельная собака	860
Гроза над картофельным полем	869
Листобой	880

Про них

Стеклянный пруд	890
Орехьевна	891
Дед, баба и Алёша	891
В берёзах	892
Букет	893
Тучка и галки	893
Бабочка	894
Снегири и коты	894
«Лес, лес! Возьми мою глоть!»	895
Русачок-травник	895
Орион	896
Сирень и рябина	896
Пылшыкы	897
Шатало	898
Муравьиный царь	899

СОДЕРЖАНИЕ

Снегодождь	900
Снеги белы	901
Солнце и снег	902
Черноельник	902
Ворона	903
Заячьи тропы	904
Прорубь	905
Шапка дяди Пантелея	906
Дождь в марте	907
Висячий мостик	907
Герасим Грачевник	908
Соловьи	909
Поздним вечером ранней весной	910
Медведица кая	911
Полёт	911
Озеро Киёво	912
Три сойки	913
Большой ночной павлиний глаз	913
Про них	914
Чайник	915
Сиротская зима	917
Четвёртый венец. <i>Рассказ из дневника</i>	931
Ножевик	937
«Когда-то я скотину пас...»	940
Красная сосна	946
Солнечное пятно	953

Коваль Ю.

К 56 Суер-Вьер и много чего ещё : роман, повести, рассказы / Юрий Коваль. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 960 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-14088-2

Есть писатели славы громкой. Как колокол. Или как медный таз. И есть писатели тихой славы. Тихая — слава долгая. Поэтесса Татьяна Бек сказала о писателе Ковале: «Слово Юрия Коваля будет всегда, пока есть кириллица, речь вообще и жизнь на Земле».

Книги Юрия Коваля написаны для всех читательских возрастов, всё в них лёгкое и волшебное — и предметы, и голоса зверей, и деревья, и цветы полевые, и слова, которыми говорят звери и люди, птицы и дождевая вода.

Обыденность в его книгах объединилась с волшебной сказкой.

Наверное, это и называется читательским счастьем — знать, что есть на свете такие книги, к которым хочется всегда возвращаться.

Книга подготовлена к 80-летию замечательного писателя, до которого он, к сожалению, не дожил.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ КОВАЛЬ
СУЕР-ВЫЕР И МНОГО ЧЕГО ЕЩЁ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная вёрстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Маргарита Ахметова,
Станислава Кучепатова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.12.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 60. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ART-22302-01-R